

Снабжение армии. Материально-бытовые условия солдатской жизни.

1915—1916 г.

№ 1.

УЛЬЯНЕ ИСАЕВНЕ АНТИПОВОЙ.

Уральск.

Ни подумайте Вы что моя досада на вас, нет дорогая моя Уличка ни на вас а просто на все эти несчастные обстоятельства так что будит ли когда конец нашим страданиям, перестанут ли когда пить из нас кровь... мы в настоящее время голодуем что лучше бы умереть такую стали пищу давать которую и собаки не станут есть. Варят нам один день только сухую воблу один день варят селедку... Какая может быть пища вареная селедка. И не моют и не чистят, бросят немного пшена или капусты и то только один раз в день. И при том одежи никакой не выдают, ходим оборваны. Вшей миллионы, сапог тоже нет я сейчас хожу почти что босиком на одних портянках. А газеты мы читаем и видим что должна быть опять скоро мобилизация всех старых и малых. Милочка и что же тогда будет в нашей дурной россии так что мы на войне пропадаем а вы должно быть пропадаете там.

Петр. Антипов.

Пулеметная команда

9 го Кавк. стр. полка.

№ 2

П. И. САННИКОВОЙ.

Дер. Атабаево.

Эта проклятая 2-х годовая служба измучила нас всех солдат все так измучены не похожи на человека, а скорее на какого то дикаря, все оборванные, грязные, посмотреть на нас самая жалкая картина жизни, которую мы все переживаем здесь. А наверно после всей этой истории, кто останется еще как нибудь живым но все равно горе будет, так как известно как на мужике ездят верхом.

К. Санников.

№ 3.

МОКИНОЙ

Пермь.

Я живой мертвец, на подобие животного в грязи в песке и вош грызет: всего на свете лишен... Зачем ты мать моя родная, зачем на свет произвела, судьбой несчастной наградила шинелью серой облекла. Шинель меня переродила. Шинель свободу отняла, шинель все члены мне сковала, врагом отчизны назвала.

Мокин.

123^б пех. Козловский полк.

№ 4.

П. Ф. ШУШИНУ.

Село Пычас.

Мы находимся в открытом поле, спим в окопах обувшись и одевшись сырые и грязные, но какой тут сон, то и гляди что оторвет голову снарядом. Направо и налево, кругом от тебя тысячи убитых и раненых. Жизнь стала очень плохая, кормят плохо. Сварят щи хоть портянки полощи, крупинка за крупинкой бегают с дубинкой, сварят мясо на 100 человек 20 фун., да еще картошек гнилых 1¹/₂ пуда, которые и свиньи не станут есть, да еще к этому добавят кислой капусты вот и выйдет славный суп, а работаешь до упаду. Наша пехота бедная ходит в лаптях и портянки из самого плохого холста, а все еще хочут воевать, когда ничего нет.

Ваш сын.

№ 5.

Здесь очень трудно жить, здесь не житье а каторга, сидим в темноте в грязи, хуже чем арестанты. Дисциплину спрашивают строго, так что иногда и поплачешь и вспомнешь свой дом родной и опять останешься в окопах. Немцы обстреливают из орудий тяжелыми снарядами, весом 2 с половиной пуда, так что земля трясется. Я их тоже начал косить, но они не пошли в наступление. Живем плохо, едим только один казенный хлеб, да известный солдатский суп, с которых нам все кишки извертело. Вы жертвуете на войну солдатам, а они ничего не видят, это только людей обманывают, собирают конейки, не жертвуйте воинам. Карманы широкие их не наполнить, но надо думать, что все эти мошенники уничтожились и чтобы была одна только правда. Живут наши солдаты так как может одно только животное.

Прошу не жертвовать для наших воинов, потому что нам это пожертвование не попадает, а попадает начальству в карман и передайте всем знакомым.

Ив. Крупинин.

225 полк.

№ 6.

ПАВЛЕ ТИМОФЕЕВНЕ ХРЯЩИКОВОЙ.

Саратов.

Наша казарма хотя и большая но тесно: в виду того, что в ней помещается очень много народу. Наши постели—нары в два яруса; на них послана солома, закрытая полотном; в головах у кого кулак, а у кого и так; сверху же прикрывается вместо одеяла—шинелью. Если спишь на нижних нарах, то на тебя сыпется с верхних нар мякина и сор от соломы; наверху же страшно душно. Теснота, духота, грязь страшная. Вшей, блох, клопов, и всевозможных насекомых такая масса, что не успеваешь обираться. И это все переносит солдат, у которого помещение хуже, чем у хорошего хозяина в хлевушке для свиней. Едим из общего, огромного жестяного таза, какие имеются в бане для мытья. Вчера в субботу из этих тазов мыли потолки и полы в казармах; после их вымыли горячей водой, а вечером стали из них ужинать. Липа ты не думай, что я все преувеличиваю, наоборот я тебе пишу одну десятую часть того, что у нас творится.

Михаил.

137 пех. зап. бат. 8 р.

15 Декабря 1915 г.

№ 7.

Какой ужас... Думаю, что не перенесу всей угнетенности и унижения, какая приходится видеть и переживать. Содержат и обращаются, как со скотиной, а пожалуй и хуже. Услышать человеческую речь, встретить человеческое обращение совершенно не возможно. Загнали нас в темные, сырые, грязные конюшни с отравленным воздухом. Через всю конюшню тянутся два ряда сквозных нар, покрытых на палец грязью, на них то мы и помещаемся—спим, обедаем, пьем чай и пишем письма. В пять часов будят приказывают пить чай, а затем собираться гулять... После прогулки на одну минуту загоняют опять в скотник. Не успеешь обогреть носа, а о ногах, руках и говорить нечего, как гонят на учение. Учение

продолжается до половины двенадцатого. Но что такое солдатская словесность и вообще все учение, описывать не стоит. Чувствую себя весьма скверно. Всего больше угнетает мысль о порабощении.

Ветряков.

23 декабря 1915 г.

№ 8.

АЛЕКСАНДРУ АВГУСТОВИЧУ ГРИБОВУ

г. Царицын.

Местность в которой находится наша позиция идет от города Карса на турецкий г. Кареклис. Еще на 50 верст и находится позиция. От Карса до самой позиции будет верст 200; помещения отводят или разбитые турецкие сакли, где нет ни дверей ни крыш и где приходится не спать, а мерзнуть, а если случайно попадется теплое помещение, то там нет никакой возможности спать. Послужая тесноты, люди лежат буквально один на другом. Что помешало русскому правительству построить помещения, не как для свиней, а как для людей. Много я вынес нравственных и физических мук, нравственных от сознания той преступности, которую сознательно делает народу правительство, а физических от непосильного труда, который везет на себе, как кляча, серый человек, сколько проклятий произнесли уста. Трудно представить себе какой гигантский труд несет русский солдат.

Павел Грибов.

7-й Кавказский Стр. полк II рота.

№ 9.

ЕГОРУ ДМИТРИЕВУ КОШКАРЕВУ.

Челябинск.

Уведомляю тебя дорогой Егор Дмитриевич что я в настоящее время лежу в дивизионном лазарете и помещением нам служит полуразбитая хатенка, в грязи на голых нарах придется встречать светлый христов праздник грязному как хорошей свинье, но на судьбу плакаться не приходится, у нас помещение еще довольно сносно сравнительно с другими. Я сам был недавно свидетелем одной картины которую до смерти не забыть. Представьте громадный сарай полный набитый ранеными воинами русской земли. Как никому не нужный старый хлам они бедняги свалены в сарай и лишены не только медицинского, но даже и человеческого ухода и эти бедные защитники заживо гниют. Там гниль, вонь, грязь, стоны, зубовой скрежет от сильной боли встретили меня как я пересту-

пил порог этого сарая. Не помню как я выскочил оттуда, а я считал себя привыкшим ко всему, но такой картины я не видел и не дай Господь больше и видеть.

Подписи нет.
Полев. Почт. к-ра № 13.

№ 10.

ПАВЛУ МАЛАЧЕВУ.

Уфа запасный полк 15 рота.

Жизнь наша тяжелая, не желаю даже такой жизни первому своему врагу, стоим в грязных землянках, копать, дым в душу заходит, прямо вырывает сердце наружу. Одежда холодная, насекомых не перечесать. Не военная служба, а каторжная. Сообщил бы Вам еще уветы моей позиционной жизни, но не возможно. Пища плохая. Посмотрел бы во что мы одеты, посмеялся бы, многих обувают в лапти, целые полки... Довоевались, верно уж не хватит ничего. Писали что у Германии того и другого не хватает, а у самих скорее выдохлось... Когда же это кончится стоят на одном месте с осени, ни назад, ни вперед... А Государь ездит и говорит, что до тех пор мира не будет, покуда не прогоним германца со своей земли. Я думаю что это не правда, мы уже кажется завоевали по 162 р. на каждую живую душу. Ох да не стоит писать, я знаю, что письмо не получишь.

Подпись не разборчива.
332 Обоянский полк
2-я рота 2-й взвод.

№ 11.

ФЕДОРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ КУЗЬМИНУ.

2-я Дьячевка.

В окопах тесно и грязно, спим хуже свиней на голом полу, одежда на нас вся грязная, белье как у угольщиков, тело грязное как у свиньи, в бане мы были месяц тому назад, настроение у солдат не нормальное, наверно скоро вспыхнет. Слухи есть, что 30 корпус отказались идти в наступление и продолжать войну.

Кузьмин.

№ 12.

ФЕДОРУ КУРОПТЕВУ.

Казань.

Стояли мы на передней позиции, теперь сменились на 1 месяц отдохнуть, но не дают отдыха, работаем дороги мосты. Из пищи

было плохо: давали $\frac{1}{4}$ фунта хлеба, а то кормились кукурузой, собирали на полях колосья ячменя и варили кашу, не было ни соли ни хлеба многие подошли с голоду. Стали у нас сильные заболевания, солдаты гибнут с голода, как мухи от холода... У нас не позволяют писать правду, как солдаты с голодудохнут... Если не убьют то с голода уморят, а живого не выпустят. Каша пошла большей частью из фасоли и чечевицы, а то была из мамалыги т. е. из кукурузной крупы, после которой даже появились на столбцах афиши с надписью: „Если будет пшенная и гречневая каша, то и местечко Корлибаба будет наше, а если кукуруза и чечевица, то отдадим и Черновицы“. Ну я кажется далеко заехал, не знаю пройдет или нет.

Куроптев А.

№ 13.

ПОРФИРИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЕЖОВУ.

С. Турки.

Бьют нас тут как мух и считают нас тут за мух... у него потеря очень мала, у нас много: стоим в землянках все грязные, холодные, голодные и разутые... так нам с ним трудно возиться; мы его не собьем и с своей территории не выгоним—не верь газетам, что там вам красуют, чтобы меньше было разговору... Кормят нас чечевицей; хлеб рубим топором, народ гниет живьем и болезни не признают. Так наверно пропали навсегда.

Подписи нет.

№ 14.

ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ БЕЛКИНОЙ.

Уфа.

Праздники для нас одна тоска. Все что пишут в газетах о произведенных на фронте праздниках и их разнообразиях, как я лично убедился на месте, сплошная ложь. Были вот и у нас две елки. Но какое удовольствие получили солдаты, будучи также на елках. Они только и были свидетелями, как обжирались, и как свиньи напивались наше начальство. Одна елка была в отряде красного креста и где особенно был безшабашный разгул, сколько было выпито водки... И думается где же трезвость... А все это собиралось грошами у нищего, обобранного народа. А как ведет себя персонал этих разных отрядов. Это безконтрольные банды.. Гони в шею всех шляющихся с разными цветками... все это ложь и ложь.

Белкин.

12 ж. д. батальон 4-я рота.

ПЕТРОВУ.**Село Пичкасы.**

Опишу тебе нашу солдатскую мученическую жизнь. Во первых дисциплина страшно надоела не только мне, но и всем. Я ненавижу весь наш строй жизни, а также эту страшную убийственную войну. Во вторых голод, холод и грязь. От всего этого становится так грустно, так тяжело, что иной раз хочется пустить себе в грудь кинжал.

Подписи нет.

№ 16.

ИВАНУ ГОРНЕВУ.

Вот война, но не для всех. Вот посмотрели бы сейчас, что тут делается; у офицеров пир горой, два оркестра играют на смену, офицеры все пьяные, а с ними и сестры, но не милосердия, а без милосердия. Там же в окопах сидят. Теперь приходится всякой сволочи тыкать в рыло деньгами, а то съедят разные унтер-офицеры, а у меня не только им дать, но и на табак нет.

Подписи нет.

№ 17.

АЛЕКСЕЮ АЛЕСЕЕВИЧУ ОБРАЗЦОВУ.

Неприятно поразило меня в Житомире следующее: многие из офицеров нашей дивизии прислали своим женам массу серебра из Галиции и вообще всевозможных ценностей. Жена командира катается по городу на чудных австрийских лошадях в роскошных венских экипажах.

Вот приезжала труппа артистов Императорского театра, но не для нижних чинов, а все для г. офицеров. Как все это пошло и постыло. Люди одной расы, одной нации, по одной земле ходят, но одни почему то отделяются от других и у них взгляд на нижних как на забитых животных, которых бьют и считают обязанными, а в конце концов убивают, но разве это не человек.

Ваш П.

№ 18.

П. Ф. КУЛИКОВУ:**Салтыковская.**

У нас недавно поймали патрули попа с сестрой милосердией и увели к коменданту. Сейчас есть разрешение, кто поймаёт сестру

милосердию, тому 5 тысяч награды и 3 месяца отпуска. Очень много беременных сестер милосердия.

А. П. Куликов.

№ 19¹⁾.

С 1 Декабря нахожусь в наилучшем настроении. Пью на пропалую; почти каждый день пьян, что называется в дрезину, целый день шатаюсь, а к вечеру качаюсь. Варим кислушку, такая славная вещь. Выпьешь котелка два, ну и готов; домой прихожу часа в два, а надо бы хотя раз притти раньше, да в нормальном состоянии. Думал, что на днях придется побывать в России, но дело не выгорело по некоторым причинам, хотя может скоро приеду. Жалко только покидать сего святого места. Очень здесь хорошо устроились: офицерское собрание, музыка и пляска и выпивка, ну и остальное.

Котка Виноградов.

190 пехотный Очаковский полк.

№ 20.

ИОСИФУ ТОКАРЖЕВИЧУ.

Уфа.

Начальник хозяйственной части Корепанов (он из Царицына штабс-капитан) злодей, прямо злодей, велит делать экономию продуктов путем неполной выдачи их. Исполняя это повеление, я против своей совести, совести солдатской не додавал благодаря чему иногда обед получался прямо бурда, свиньи не едят, солдаты мыли свои грязные ложки. Меня даже солдаты собирались побить за это; но я спасался от этого: выдам продукты да и скроюсь куда нибудь как крот, а потом как стемнеет, я снова показываюсь на свет Божий. А с другой стороны, если делать по совести, т. е. выдавать продукты полностью, то начальник хоз. части узнает, избыток, что и было с одним артельщиком, моим предшественником.

Александр С.

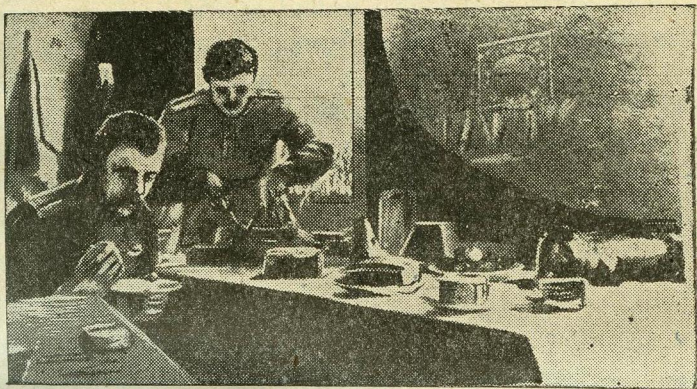
4 рота 243 пех. зап. батальон.

№ 21.

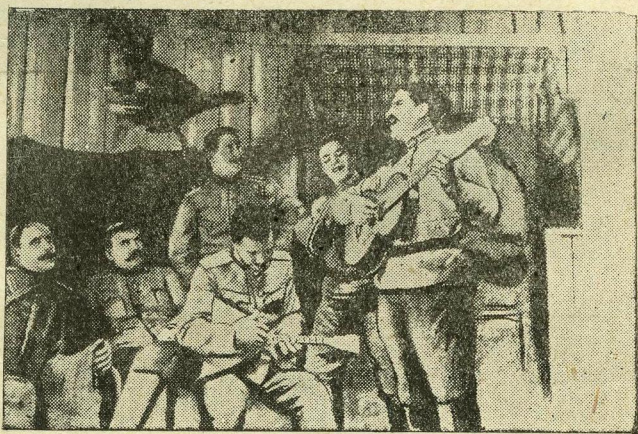
В хозяйственном отношении везде такие подлости, что право стыдно рассказывать: воруют все начиная с кашевара и кончая на-верное, завед. интендантством. Это же черт их знает, через сколько

¹⁾ Письмо офицера, характеризующее разгульную жизнь офицеров.

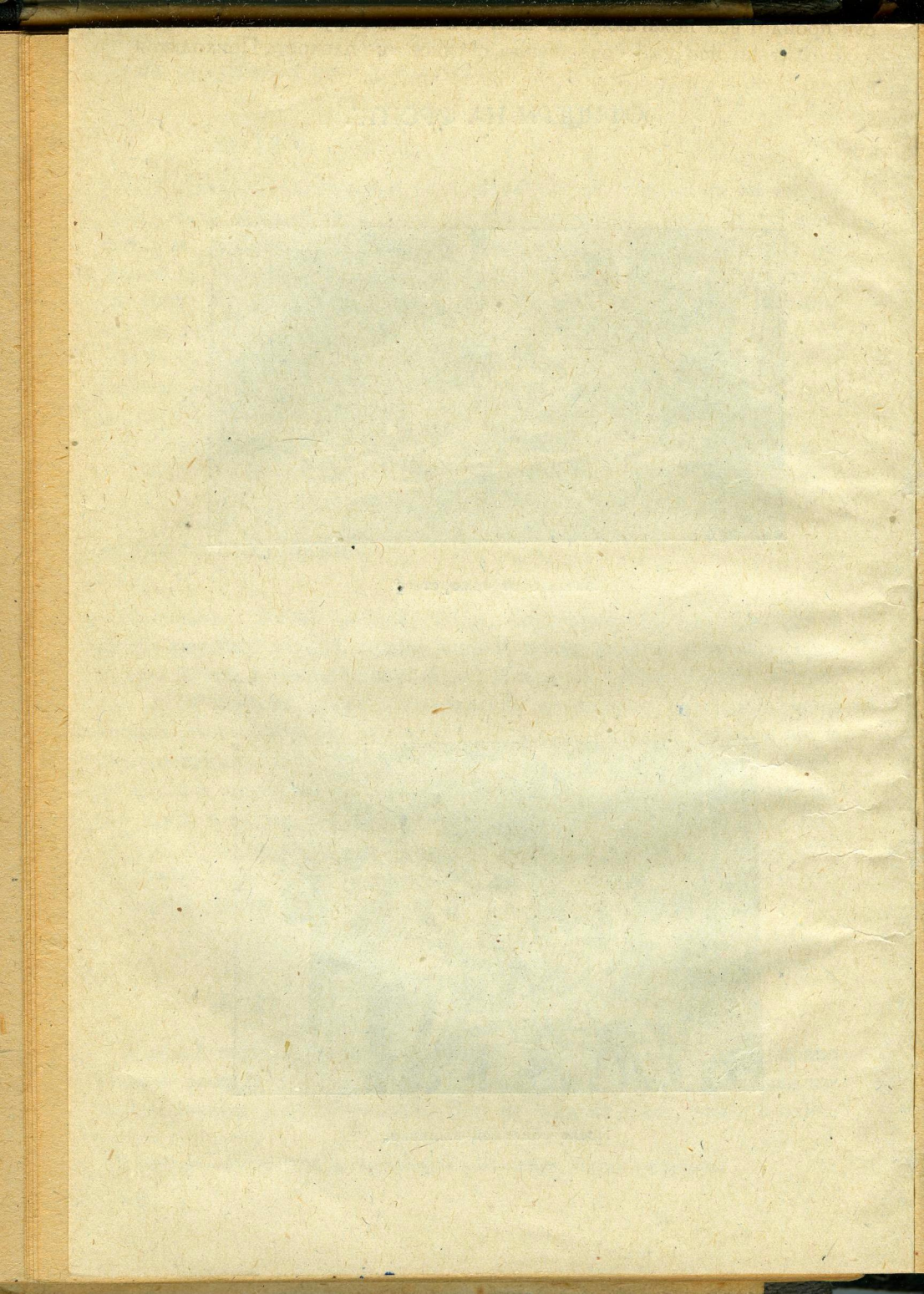
ОФИЦЕРЫ НА ФРОНТЕ.

Пасхальное обжорство.

После обильной выпивки.

рук пройдет все полагающееся нам и доходит до нас уже совершенно скудное и плохое. Приходится все терпеть, потому что мы бессильны против этого зла, слишком его много.

Петров.

№ 22.

... Взяли ручные бомбы и пошли. Пришли к тому дому, где помещен штаб полка, глядят, офицеры все пьяные. Разведчики окружили дом и бросили 15 бомб; многих убили и поранили. Нам сказали, что в дом попал тяжелый снаряд. Так вот какое у нас начальство, вот и войей, побеждай врага с такими руководителями, жди скорого мира и надейся на победу.

Подписи нет.

№ 23.

КИРИЛЛУ ЕФИМОВИЧУ ШВЕЦОВУ.

С. Иловатка.

У нас на позиции солдаты голые и босые, прямо страшно смотреть, сапоги порванные и новых нет, а старые починяют да дают солдатам и также все остальное. Другой бедный солдат тряпками ноги обматывает и ходит прямо таки не дай Бог, что делается. Чем не дальше все хуже, а пища очень плохая, один суп паршивый. А одна дивизия не хотела заступать в окопы, сказала оденьте и обуйте моих стрелков все до новой ниточки, тогда пойду, говорит на позицию.

25/X—1916 г.

Подписи нет.

ПАЛОЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА, МОРДОБИТИЕ, ПОРКА В АРМИИ. (1915—1916 год).

№ 1

МАРИИ АЛЕКСЕЕВНЕ БУДДЕ.

Казань.

Все окружающее так гадко и подло, что смотреть не хочется. Солдатам живется плохо, все время впроголодь. Хлеба дают вместо обычных 3 ф.—1—1½ ф. на человека. Мясо варят только два дня в неделю, и то лишь на обед, остальные дни постный суп с грибами и червями, при всем этом ужасная грязь. Половина солдат без сапог или ходят в рваных, а иные сидят дома совершенно без сапог. Винтовок нет; солдаты обучаются старыми берданками и деревянными ружьями. Как посмотришь на все это, только слезы навертываются на глаза. До чего обесцелен человек. Начальство каждый день пишет и читает газеты, гласящие жестокие кары за самовольные отлучки домой и уверения о скорой конечной победе. Скажу Вам по секрету, в эту победу я не верю, т. к. уверен, что все это время затишья, когда мы сидим без сапог или управляемся деревянными ружьями, немцы более продуктивно проведут его для себя. За каждый солдатский проступок здесь теперь виновного порят розгами. Да, как это ни горько, а это так. Видно вспомнили пословицу „за битого дают двух небитых“. Какая несовместимость: непобедимый христолюбивый воин поротый солдат. Горше всего то, что все это делается не на основании закона, а по чистой инициативе. Ну какие после того, как выпорют 35 летнего мужика розгами, не воспылать ему патриотизмом. Как же не сложить ему свою глупую голову, защищая родину с ее милыми заветами. Как же нам не победить глупого врага.

Иван Х.

265 запасный батальон.

13 марта 1915 г.

№ 2.

АЛЕКСАНДРУ КУЗЬМИНУ ЗЫКИНУ.

Саратов.

Солдатская учеба идет своим чередом, церемонятся с нами очень мало, при чем система преподавания военного искусства ведется

в таком направлении, словно нас готовят на парад, а не на бой с противником, гадко до безобразия. Для обучения нет винтовок, при команде стреляй (цепью) заставляют бить в ладоши. Смешно. Впрочем несколько сот винтовок есть на тысячи обучающихся и эти винтовки в течение дня по несколько раз переходят из рук в руки для обучения ружейным приемам. Вообще вся эта учеба имеет страшно угнетающее моральное значение. На учениях приходится порядочно мерзнуть. Здесь снег и холод до 10—15 градусов. Не дают греться. Вообще все условия крайне тяжелые. Мечта каждого хоть как нибудь уцелеть здесь. Здоровье подвергается страшному риску, мер же к ограждению его не принимается никаких. Можешь заболеть и умереть до этого никому никакого дела нет. При таком холоде людей еле-еле одетых и тех гонят в поле... Вообще, Саша, какую сторону военной службы не возьми, везде безобразие и тупое скотское отношение к человеку. Лично за себя я совершенно не могу поручиться, что вынесу эту каторгу.

Твой Саша.

11-й Сибирский зап. батальон.

№ 3.

ГРИГОРИУ НИКИТИЧУ КУЗОВЛЕВУ.

Саратов.

У нас был какой то начальник генерал-майор. Производил смотр кажется вместо Корпусного Командира, когда он спрашивал солдат учебной команды, одному солдату задает такой вопрос: „Ты знаешь молитву господню. Ну прочитай“. Это не анекдот. Теперь война и думаю подобные вопросы вовсе не уместны. Спрашивают молитву Господню, молитву за Царя, и ни слова о деле; понимаю если бы он экзаменовал на псаломщика.

М. Кузовлев.

10 Гренадерский Сибирский полк.

№ 12.

НИНЕ ПРИГОВОРОВОЙ.

Казань.

Чувствуешь себя как узник: ни минутки своей, каждой минутой твоей распоряжается кто то, ни шагу без спроса ни слова без разрешения. Бывают минуты, когда малейшая неприятность и пойдешь удавиться. Все глупо у нас, бесцельно бессодержательно и всему придается большое значение, из за неверно одетой шапки, не так подпоясанного ремня, могут бить человека по лицу, ругать его са-

мыми оскорбительными словами, а он должен стоять, вытянувшись в струнку и молчать не один и не два, а молчат миллионы людей. Выйдут ли на занятия тошно делается „раз, два, раз, два“. И так целый день, а шагнул кто не той ногой (подумай какое преступление): „Бегом“ Представь себе картину: бегут в ногу с винтовками на плечах, бьющими эти плечи, бегут не дети, не молодежь, хотя есть и такие, бегут мужчины с бородами, раза по два раненные, страдавшие полтора года за благодарную родину, бегут спотыкаются чуть ли не падают, задыхаются за то что один из них шел не в ногу; пойдут ли на работу, еще тошнее. Работают у нас так же как вятские в народном анекдоте „выросла у них на бане травка, что с ней делать, не пропадать же травке, так они коровы на баню потащили, ну и мы так“. Порубили кольев для проволочного ограждения и вместо того чтобы свезти их на лошади, пригоняют две роты солдат, а эти таскают по колу версты за три, а лес под боком, принесет солдат в день коле четыре и довольно.

№ 5.

Все делается по команде, всюду приходится принимать искусственные позы. За малейшее уклонение от сего следует „мордобитие“ и стойка под ружьем. Вчера только ротный Командир в чине капитана посетил нашу конюшню, ознаменовав свое посещение тем, что избил на глазах всей команды молодого солдата за то только, что тот пошевелил рукой при его входе. Вот какова здесь короткая расправа. А о господах обучающихся (так именуются ун-офиц., обучающие молодых солдат) уж нечего и говорить. У них руки и язык работают во всю, что касается характера обучения, то оно так утомительно, что каждый день случается несколько случаев падения от полного изнеможения. А начальство все еще подгоняет, все еще силится заставить работать как можно больше. Особенно трудны занятия с винтовкой и так называемые прогулки, где нас гоняют, как стадо баранов, отнюдь не считаясь с нашими силами. Вот одна из таких прогулок была сегодня. По колено в грязи (здесь наступила оттепель), с тяжелыми винтовками на руках Г. фельдфебель гонял нас битых четыре часа за то только, что у нас невыходила песня. Можно тебе сказать, что ведь мы веселимся каждый вечер. После занятия нас всех заставляют петь песни, кто не поет, того ставят под ружье. „Пишет, пишет царь“... и т. д. воет казарма; плакать хочется, а тебя заставляют кричать, заставляют петь, даже плясать; это усталых то, измученных людей. Тяжела брат шапка

Мономаха, ой как тяжела. С простудой истощением обратиться к врачу нельзя. Он принимает лишь с наружными язвами, а всех остальных признает здоровыми и делает отметку, чтобы их ставили под ружье.

Ну чорт возьми жизнь так жизнь: четвертый раз берусь за это письмо—все отрывают. То песни петь, то проверка, то еще какаянибудь ерунда.

Петр.

№ 6.

М. Вильчинской.

Самара.

Любимая жена, я выехал из Самары в 8 час. и прибыл на место на вторую ночь в 11 час., таскали нас 2 часа по грязи до колен так что сапоги с ног стаскивались или подошвы обрывались, я уж стар, но такой грязи еще не видел как здесь и такой муки как мучат. Лучше желал бы быть у немцев в тюрьме чем здесь служить, ибо там все дадут, а здесь ничего не выдают, только на обед пищу, ни сахару, ни чаю и никакой одежды и на голых досках спать, а мучат нас с 5 часов утра до 10 час. вечера, нельзя нам даже в уборную идти без заявления. Не имеем никакой одежды и сапог, поэтому нас очередно обувают в сапоги, но не в казенные, а только кто имел хорошие с собою, одолажат тем которые не имеют выйти в чем в отхожее место. Жизнь человеку неприятна, нет времени даже написать несчастного письма... а что касается того чтобы я освободился нечего и думать, здесь лежат такие, что им кишки выходят и не пускают ни до лазарету, ни домой, такая здесь мука людей до тех пор пока не научат и не угонят на позицию, тогда думаю что буду более свободным, а здесь хуже каторги.

Ф. Вильчинский.

148 пехотный полк.

№ 7.

САВИНУ.

Алатырь.

Артиллерию и аммуницию и на позиции чистют да моют да еще шины смазуют, чтобы блеск был и также кольца чтоб горели. Этим буржуазии дурачкам нечего делать и шалаются, хоть здохни, а чтобы горело... Это ловушка, как маленьким детям купят игрушку и они рады веселиться, также и это какой то крест и за ним гоня-

ются все и хотят иметь каждый, а настояще разобраться—он не нужен. Они выдумали эти игрушки и ловят нашего брата на удочку, а наш брат мужик думает и Бог знает что, и лезет за крестами куда попало, и наконец получает деревенный.

Куприян Дорошенко.

№ 8.

ФЕДОРУ ПЕТРОВУ.

Казань.

Не дай Бог служить в это военное время: очень строго; то и гляди пропадешь низачто. И за что только это начальство мучает нас; как только мы чего провинимся или неладно гимнастику делаем сейчас и по харе. Ох тяжела и безжалостна эта проклятая дисциплина черт ее издавал а не человек. Ежели бы вы дядя Федор пожили одну неделю на службе то сказали бы что не следует и жить на свете обезглавленному человеку. Ну прямо как скотину ежели куда пошлют чего нибудь принести то не скажи что я только что пришел а иди да сделай. Прикажут в народ стрелять и пошла писать. Очень мне здесь тяжело, а другим так будто и надо служить царю.

Логин Арефьев.

1-й Кавалерийский полк.

№ 9.

ПЕТРУ МИХАЙЛОВИЧУ ШАРАПОВУ.

Уфа.

Как тяжело когда в работе не видишь цели, но еще тяжелее, когда все занятия сопровождаются отборной руганью взводного, неограниченного самодержца взвода. Он всегда прав, куда же пойдешь искать правду, никто не смеет жаловаться на него. Все молчат с какой то затаенною злобой и тупым взором на лице. Что то жуткое чувствуется при переживании всего этого крошечного матершинства, глумления над человеком. Из за самой малейшей пустяковины душат тисками и душу и сердце, убивают дух. Где же тут взяться воодушевлению так необходимому в такое время среди воюющей армии, где взяться стойкости и храбрости духа, когда люди не имеют понятия об его уважении. Нет тут доброго ждать нельзя, ежели наша рота—тип всей русской армии. Я вот уже с начала войны в 3 роте по счету и везде все одно и то же. Да и рассказы товарищей это целиком подтверждают. Стоим мы пока на Двине

на правом берегу верстах в 23 от Двинска в 60 — 70 от Риги, близ станции Ремерсгоф. Есть слухи, что скоро нас двинут к Риге.

14 декабря 1915 года.

М.

20 Сибирский стрелк. полк 5 рота 1 взвод.

№ 10.

П. МУРАШКИНЦЕВУ.

Алатырь.

Мне здесь надоела солдатская жизнь, не хватает ничего, вы бы посмотрели чем нас кормят у вас наверно свиней лучше кормят как нас. Крестный, придет время когда были барские крестьяне опять будут пороть плетями всех кого ни попало. К этому время клонит, здесь занимаются этими штуками, как били помещики крестьян, а здесь солдат бьют.

Александр Семенов Мурашкинцев.

№ 11.

ВАЛЕ ОРЛОВОЙ.

Если бы ты знала, как надоело тянуть солдатскую лямку, а серая шинель отвратительна, так плечи и тянет. К концу службы пожалуй вытянет и не похож будешь на себя. Совершенно изменишься. За что так страдать. Живешь как раб, даже хуже. Секут розгами немилосердно. Становится обидно и досадно, когда невинного и предадут таким страданиям и истязаниям за всякий пустяк. Порют розгами и не знаю за что бьют по лицу. Опять пошла старинная привычка и власть. Что хотят, то и делают. Ни кому нельзя слова сказать. Если пожаловался, то придираются, а потому приходится молчать. Идешь, душой дрожишь, вот и защита родины; об остальном сама поймешь.

20 декабря 1915 года.

Кривопапов.

27 Кукарский полк.

№ 12.

Н. А. ПРАВДИНОЙ.

Казань.

Я здесь влачу жалкое существование в этой кровавой атмосфере, нет это не страдание, а страдаешь, что видишь издевательство и гнетное насилие над нами. Вот например, розги были отменены, а теперь опять порку пустили в ход. Да еще хуже. Наш ротный наверно до призыва на службу был в аду сатаной, а фельдфебель его помощником... Ведь как бьют, таскают за бороду людей, которым 40 и больше лет—это слишком ужасно.

М. Руденко.

АЛЕКСАНДРЕ ЕРМОЛАЕВНЕ СЕЛЕЗНЕВОЙ.**д. Куршаковская.**

Но правды на войне нет, там одна ложь. Офицеры только пьянствуют, а за порядком не смотрят, солдат почитают плохо, если солдат в чем провинился то его порют розгами, за маловажное дело порют двадцать пять розок. Наказывают нас телесным наказанием, а за пищей не смотрят какая сварится такая и ладно. Когда такую сварят пищу собака и то не ест суп, вот такая жизнь несчастная, а вы пишите что идете верой и правдой а у нас здесь правды нет, а так одна кривда и нельзя по правде жить потому что у нас офицера изменяют, а мы не за что кровь проливаем и гибнем как мухи.

П. Е. Селезнев.

№ 14.**ЕЛИЗАВЕТЕ АФАНАСЬЕВНЕ КОРЖЕВОЙ.****Самара.**

Эта проклятая служба доводит до чертиков и все приходится терпеть, куда пойдешь, кому скажешь, абсолютно никому, еще у нас командир плохой вот уж он бесит окончательно, идиот-буржуа и больше ничего. Мне хотя от него не доставалось но за других досадно, ни за что сажает в карцер, ставит под винтовку и даже применяет розги, вот не так давно одному всыпали 25 штук и вот за что: был в отлучке один день. Вот и пойдя, не интересно получать такой порции. С отдыха мы уезжали на позицию. Довольно мы мучились и мучили нас эти варвары-унтер-офицеры, ефрейторы и ротные командиры, эти кровопийцы не дают нам минуты отдыха. Какая это война, они убивают нас нравственно, не говоря уже о фактическом убийстве. Нет это не война, а просто, убавление людей.

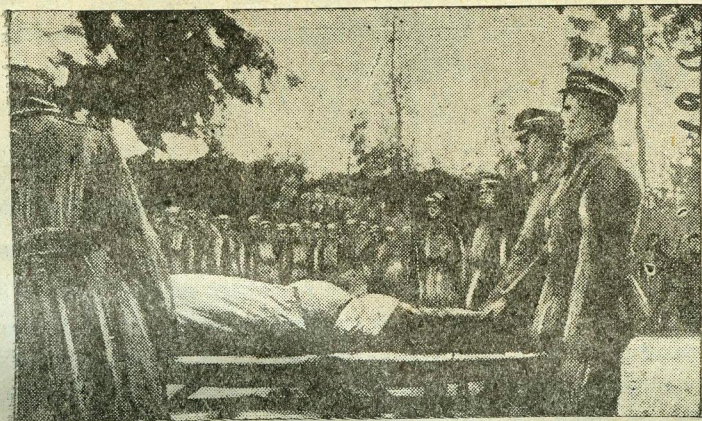
15 июня 1916 г.

Дмитрий Раковский.

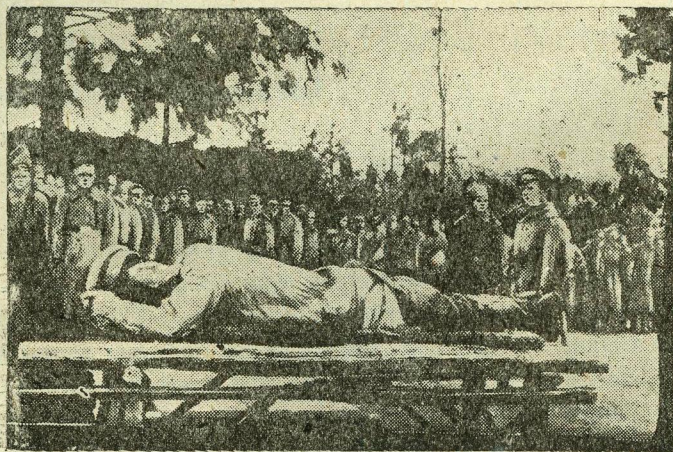
№ 15.**А. Д. УРУСОВОЙ.****Пенза.**

Здесь вот мне пришлось раз быть у коменданта и видеть довольно печальную картину. Не помню, но я о ней писал домой. Нашим молодцам, с которой командой я следовал, попало от 10 до 60 розог. Это такое истязание, которое еще в жизни мне пришлось видеть один раз и больше такой картины не хотел бы смотреть. Сами

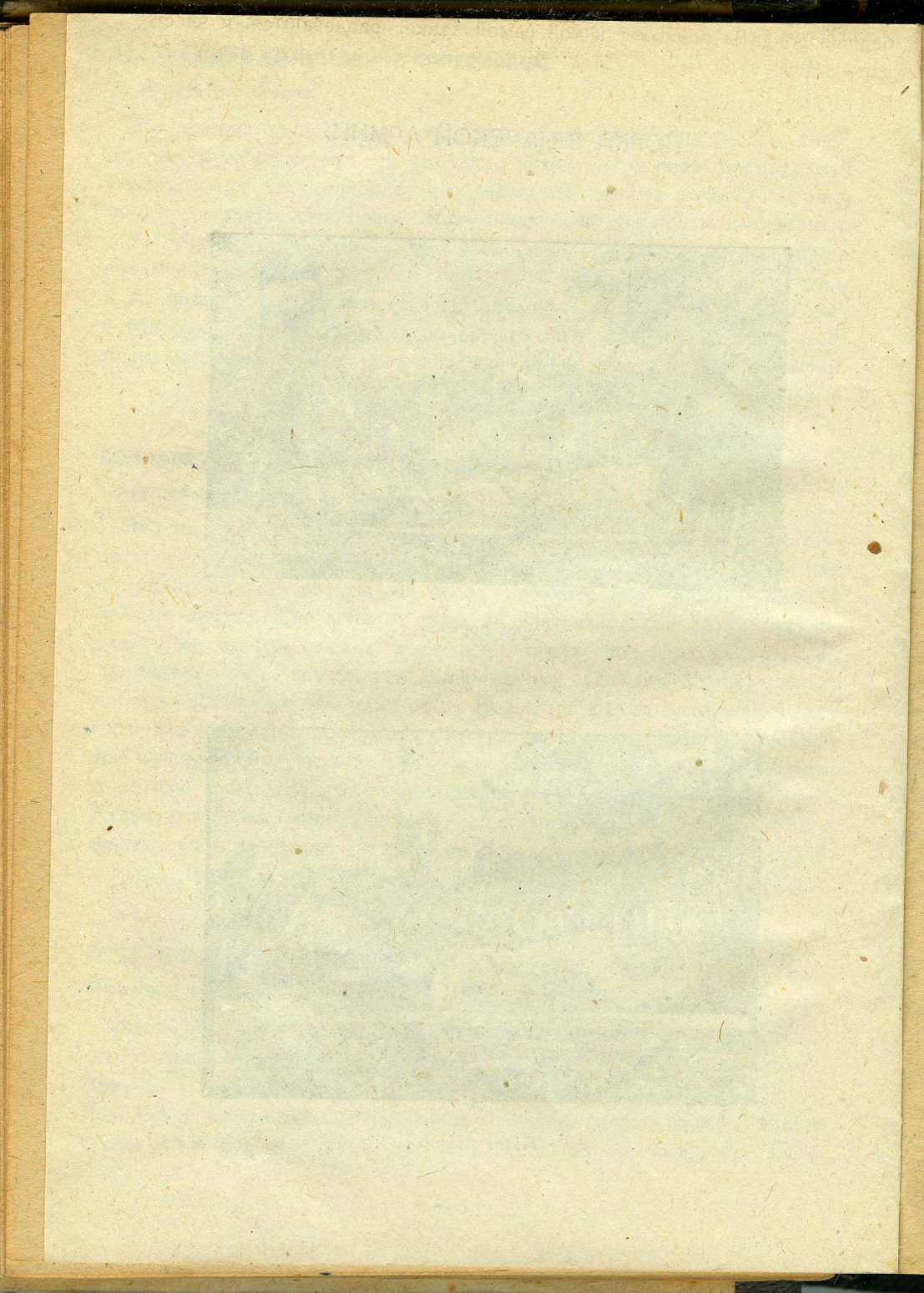
ПОРКА В ЦАРСКОЙ АРМИИ.

Перед поркой.

После порки.

бедные солдаты подходят к той самой лавке, раздеваются, и здесь два палача из солдат, прикомандированных к коменданту, начинают пороть розгами. Сами, конечно, плачут, но не исполнить приказание не могут, потому что им самим всыпят не меньше, сколько бы полагалось ударов своему товарищу. Вот наша жизнь. Кому, конечно война, а кому и шутка... Некоторые деньги наживают, а большинство безусловно из нашей среды проживают готовое, а если его нет, то из сил последние жилы свои тянут, но хотят сделать, лишь бы было хорошо.

В. Тихонов.

6 августа 1916 года.

№ 16.

ПАВЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ЗЕМЦОВУ.

С. Заболотино.

А война идет совсем плохо. Все скоро немцу отдадут да продадут а нашего брата пехоту немец бьет да плохо, так начальство бьет. Если потеряешь патроны то расстреляют. В Анапском полку двоих расстреляли за картошку. Командир баталиона одново солдата убил до смерти. Да вот такая наша жизнь. Со всех сторон бьют солдата, на позиции немец бьет, а в резерве свое начальство, кругом война.

Егор Земцов.

336 пехотный полк 5 рота 1 взвод.

№ 17.

ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ МЕЛЬНИКОВОЙ.

Г. Царицын.

Вот у нас был такой случай в полку, один солдатик отстал в походе и когда пришел, на другой день ему приказали дать 50 розог и конечно ему дали 25, потому что он не мог больше вынести, а когда он кричал, еще по голове плеткой стукнули и приказали остальные 25 розог дать на другой день. Когда хотели дать остальные розги ему, но он оказался мертвым и значит он так и остался в долгу у нашего начальства, а сегодня полковник нашего полка заявился в околотке и давай там больных солдат гонять, кому морду набил, вместо лекарства, кому чего—словом и больным пощады нет.

Подписи нет.

ЛЮБОВИ ПЕРЬФИЛЬЕВНЕ МИКЛИНОВОЙ.

Д. Федотово.

Я Вам стал писать плохие письма, за эти письма у нас двое по-шли под суд, написали два слова и стала проверять полковая цен-зура, их пороли шомполом, 75 шомполов дали, построили весь полк заставили их хлестать и один умер за это самое. И извините за то письмо может быть его не я писал, может ктонибудь написал дру-гой а не я, а то письмо пришлите мне это я писал, я буду благо-дарить за это письмо, когда получу и тогда я может быть узнаю кто писал.

Михаил Миклинов.

№ 19.

СТЕПАНУ БОЧКАРЕВУ.

Что касается окопов, то возьми пример с немецкой казармы и русской избы, так и окопы наши и немецкие; вообще на каждое дело нам надо расти лет 50 до немцев. Я думаю, если весны дож-демся, то придется нам пятки салом мазать. Нет, братец, мы ни-когда не выиграем, потому что за малейший проступок и розгами 25 штук, да горячих и еще такого рода—за какоенибудь недора-зумение и сейчас: „Я тебя в окопы пошлю“. В таком случае вы-ходит мы все в окопах за проступки, так какой же защитник из него, когда запуган розгами, окопами, плеткой, вот они так и за-щищают: как их кормят, так и они работают руки вверх...

Вчерашний день был сильно расстроен происшедшим здесь слу-чаем, солдата-кондитера, за то что он не успел к назначенному часу соготовить печенье и пирожное, высекли 25 раз розгой, это на меня повлияло, что я весь день был чумной. В это время, когда солдат рвется в бой, отдает свою жизнь за благо ихнего-же суще-ствования, а они из капризов своего желудка секут розгой, за то что не исполнил, хотя бы и сверх сил, ихнего приказавия. Это ни с чем не совместимо.

№ 20.

М. И. ПАЛКИНУ.

Сарапуль.

У нас принято у г.г. офицеров смотреть на солдат как на какую то бездушную и ничего не чувствующую пешку. Ругань, издевательство, а даже кое что и хуже, в полном ходу, прибавь к этому полную

твою бесправность. На военной службе никто не считается с тем, можешь ты это сделать или нет, а должен сделать и больше ничего. Вот чем тяжела служба. Если ты будешь исполнять должность ротного писаря, то можно наверняка сказать, что тебе нашьют лычки, а это уже повышение. И получивши это не будешь жалеть о том, что не успел дома устроиться на казенную службу. Ведь тоже будешь начальство. Молодые солдаты будут тебе брать под козырек, а ты будешь их пробирать за чтонибудь.

Твой В.

№ 21.

Н. ВОМУТОВОЙ.

Уфа.

Бьют по морде в кровь и ставят под ружье с ранцем. В ранец кирпичей 72 фунта и так стоим за малую вину 2 часа. Стоишь, стоишь в таком положении да со всего размаха об пол и грохнешься. Вижу, что нужно быть плохим человеком—злым, который за удар платит кровью—тогда можно жить в этом проклятом мире. Вы думаете, что я с ума сошел, нет. Вы думаете, что мне завтра придется умереть за родину, а теперь его бьют как собаку, нет, меня еще ни разу не ударили, а с винтовкой и 72 фунтами стояю; если же меня ударят, тогда... До свидания.

Вомутов.

Школа военных мотоциклистов.

№ 22.

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ПОПОВУ.

Здесь порют розгами это факт и очень здорово подтягивают за честь. Даже бьют, чему я был очевидцем. Чтобы тянуть и даже бить за неотдание чести—это возмутительно и главное тянут мелкая сошка прапорщики. Их за это здесь не любят.

Отошла лафа нашей батареи, командир наш уезжает на позицию, тогда здесь командир будет другой и сердитый, как собака, всех солдат бьет, даже и офицеров, если за день человек двадцать не побьет, то не он будет, тогда в силу необходимости придется удрать, что будет, то будет.

Штемпель „Полевая почта № 5.“

14 мая 1916 г.

ВИКТОРУ БОГОЯВЛЕНСКОМУ.

Казань.

Все время приходится здиться на милые порядки военного ведомства. Ты представить себе не можешь насколько безнаказанны здесь офицеры. Например наш ротный Штабс-Капитан Мецкерский лупит солдат направо и налево. Вот недавно перебил одному солдату барабанную перепонку. Когда пришел солдат из госпиталя, он же грозит, что отдаст его под суд. И других солдат бьет по прежнему.

Михаил.

Сибирский Стрелковый генерала.
ад'ютанта Муравьева Амурского полка.

ИВАНУ МИХАЙЛОВИЧУ ПЛОВИЧЕВУ.

Теперь напишу тебе новость или вернее возмутительное происшествие у нас в Чирской. Командир 4-й зап. сотни Авилов в ночь под св. Хр. Воскр. напился пьяный и велел позвать к себе молодого казака 20 л. его сотни. В передней комнате вахмистр велел снять с этого казака шапку и велел итти в комнату к Авилову. Когда казак вошел, Авилов, командир сотни, стал стрелять из револьвера в казака. Но перед этим деньщик Авилова вынул патроны из револьвера, так-что напрасно он в него стрелял. Но этим дело не кончилось, рукояткой револьвера Авилов пробил казаку голову и когда кровь потекла по шинели, он велел снять шинель, кровь потекла по рубашке защитного цвета, велел и ее снять, потекла по сорочке, велел и ее снять. Казак снял сорочку и упал без чувств. Авилов не унялся, безчувственного казака он стал до крови кусать обнаженное тело казака и в заключение изувечил шпорами все тело казака, так он теперь лежит в больнице при смерти. Но Авилов этим не успокоился, в ту же ночь он избил еще одного казака тоже до полусмерти. Этот случай поднял ропот среди старых казаков и однажды ночью они чуть не убили Авилова и еще одного прапорщика, но полиция отбила. Таких истязаний над казаками Авилов производил несколько раз. Но что еще более возмущает, окружной Атаман в том случае молчит,—тоже не лучше Авилова. Знаешь что меня удивляет, то что казаки, звери в отношении к солдатам, до сих пор не убили Авилова. Раз для Авилова все это происходит безнаказанно, со стороны начальства, то каждый казак должен бояться за свою жизнь.

Николай.

№ 25.

РЕДАКТОРУ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЛИСТКА.

Уфа.

На станцию Кропчево С. З. Ж. Д. прибыл воинский поезд № 59 номер эшелона 22072 прапорщик этого эшелона наказывал солдата кнутом, вывел его и раздел до рубахи и положил на снег между рельсами и начал наказывать палкой. После позвал 25 солдат и велел бить им прутом по голому телу, кто бил тихо этого он ударял по лицу. Так били все солдаты, а после того прапорщик пинал его в грудь ногами. Солдата понесли в вагон два солдата. Прапорщик обратился к солдатам и сказал: „Вот теперь видите какую я власть имею над Вами“. Отпечатайте это в газете.

Петр Нилов Гашаев.

17 декабря 1916 года.

Крестьянин Уфимской г. Уфим. у.

Еральной вол. с. Ерала.

№ 26.

АЛЕВТИНЕ НИКОЛАЕВНЕ МОТОВОЙ.

Ижевский завод.

Ярышкин устроил здесь хорошее дело: он во время похода, когда шел 3-й батальон, убил одного солдата ударом кулака по виску за то, что солдат улыбнулся, когда Ярышкин сказал, что идти надо в порядке. От удара по виску у солдата сделался паралич сердца. Он упал без чувств и теперь не знаю жив ли. Доктора говорят, что удар смертельный. После этого, как солдат упал, солдаты всего батальона бросились на Ярышкина и хотели поднять его на штыки. Только другим офицерам удалось удержать солдат и не дать солдатам заколоть его. Ярышкин был за батальонного командира.

Мотов.

№ 27.

СТАРШЕМУ ШВЕЙЦАРУ Г. А. Х.

Пенза.

Сию я и дежурю, как в роте я свой, а ротный кричит: телефонист, батальонного скорей. Ая, как сами знаете, дежурный телефонист, берусь за трубку, звоню в батальон, но ответа нет. „Наверно ветвь порвали, Ваше Высокоблагородие“ и на счастье ураган ружейный, пулеметный и бомбометный огонь. А ротный мне кричит: исправь живей скотина. А я тянусь, держа под козырек сказал, что там сильная стрельба, ваше благородие, а ему не по нраву это, что я назвал его ваше благородие, и встает, идет мне

рыло бить, кричит: ах ты, скотина, ударил раз, ударил два, и я разинул рот, стою, держа под козырек, а он мне еще дал весу. Тогда и я ему в ответ занес как надо и раз и два, и три на счастье. Зараза, кричит, застрелю, и я бежать оттуда, и вот так дело было. И вот, значит пришлось страдать через него. Теперь значит кругом война, а ведь я на фронте 2 года и два раза был ранен, но не пришлось сложить мне головы за Русь святую, но, как видится, пришло время класть голову за внутреннего врага, за ротного командира. И так вот не верьте, хотя газета пишет, что погиб за это и за то награжден он этим, но это наоборот. У нас так воюют не с немцами, а со своими и за это им награды и чины. Прошу не задержать и распустить если можно.

Младший унтер-офицер Гусев И.
27 Сибирский Стрелковый полк.

№ 28.

Ты интересуешься моей службой. Живется очень здесь гадко. Притесняют и не кормят. Было что то ужасное до Пасхи. Солдаты некоторые, не могли выносить всего этого, так что под Пасху 96 человек покончило самоубийством, кинулись под поезд, перерезали горло бритвою, вешались, травились и стали убегать. Все повторялось по одиночному порядку, а теперь начинают группами по 60 человек 27 ночью, и еще 42 человека, так что значит жизнь хорошая. Кушать совершенно нечего. Хлеб ужасно плохой, борщ с тухлой рыбой обращение также ужасное.

Александр Бирюков.

№ 29.

Мы шли с Ахалцыха 8 суток замучились... Ротный дорогой и офицеры били, даже не нас, а стариков с бородами. Когда мы приехали в Ардаган на другой день у нас убежало 5 человек два старших унтер-офицера и 3 младших унтер-офицера. На утро приходит ротный и ему отдали рапорт что убежали, он спросил, что из за чего убежали. Мы ему все говорим, ежели будешь так обращаться все убежим. Он нам начал говорить, что этого не будет. Мы хотим все бежать и припасли сумки. Посмотрим какое будет житье, а то все разбежимся.

Федоров.

№ 30.

ВАСЕНЕ БОГАЧЕВОЙ.

С. Квасниновка.

Если у нас уже убежало с полка 200 человек, неужели они все дураки. Они самыс умные люди и смельчаки... при обучении с нас шкуру дерут, заставляют шкуру драть в двойне. Нас заставляют людей розгами драть, этот прием употребляется каждый день и это все заставляет бежать нас с позиции.

Богачев.

7-я воздухоплавательная рота.

№ 31.

АВДОТЬЕ МЕНЬШЕНИНОЙ.

Поселок Копытовский.

Ждем куда нас потребуют, наверно на другой фронт. Начальство у нас такое, что всех бы их перестрелять. Старый командир у нас сменился, который ушел со сборного места, поступил сотник Смирных, командир полка тоже не человек, а дьявол только рогов нет. Только бы где не остановились на день на два сейчас начинают производить уборку три раза в день и занятия, а зуботычкам и счету нет. Лучше бы все время быть на позиции, только бы этого не терпеть. С таким начальством плохо заслужить себе чегонибудь доброго, да ничего бы и не нужно только скорее мир.

Подписи нет.